

АНДРЕЙ ТЁМНЫЙ

МИРЫ БЕЛЫХ ПИРАМИД

КРАСНАЯ ЖАТВА

ТОМ ПЕРВЫЙ

Боги построили загон. Загон научился убивать.

18+

Андрей Темный

Красная жатва. Том первый

<https://litres.ru/74598048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он ждал четыре тысячи лет в базальтовом склепе — Зодчий, спроектировавший этот мир до того, как его растащили на скотобойню. Теперь его тело — идеальное оружие из титана и первородной тьмы, на его пальце — Перстень Вездесущего, а в памяти — чертежи, способные перековать реальность.

Красные боги построили из живых людей жертвенный загон: алтари Карна пьют кровь, орбитальные «архитекторы» держат купол лжи, а смертным оставили лишь страх и покорность. Но скот поднял голову.

Зодчий прошел от оврага с падальщиками до тронного зала обсидиановой цитадели — первая жатва тёмного бога, за которую заплачено кровью его собственной Стаи. Боги построили загон. Загон научился убивать

Содержание

Глава 1. Прорастание	7
Глава 2. Анатомия выбора	20
Интерлюдия I. Орбитальный архитектор	30
Глава 3. Цена плоти	33
Глава 4. Волчьи Ямы	44
Глава 5. Горнило Черного Пика	66
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Андрей Темный

Красная жатва.

Том первый

ОЩУЩЕНИЕ СИЛЫ
КРАСНАЯ ЖАТВА

Том первый

Автор: #Андрей Темный#

Тёмное фэнтези • Боевое фэнтези • Героическое фэнтези
18+

Аннотация

Он ждал четыре тысячи лет в базальтовом склепе — Зодчий, спроектировавший этот мир до того, как его растащили на скотобойню. Теперь его тело — идеальное оружие из титана и первородной тьмы, на его пальце — Перстень Вездесущего, а в памяти — чертежи, способные перековать реальность.

Красные боги построили из живых людей жертвенный загон: алтари Карна пьют кровь, орбитальные «архитекторы» держат купол лжи, а смертным оставили лишь страх и покорность. Но скот поднял голову. Мельник Торн шагнёт в лаву и встанет из неё Самураем. Дикая ведьма Аста научится бить молнией, как снайпер. Теневой Нокт узнает цену собствен-

ного существования. А сотня новгородских калек перекуется в штурмовой легион.

От оврага с падальщиками до тронного зала обсидиановой цитадели — первая жатва тёмного бога, за которую заплачено кровью его собственной Стаи. Боги построили загон. Загон научился убивать.

От автора

Привет, читатель. Эта книга родилась из простого вопроса: что будет, если боги — не творцы, а арендаторы? Они не построили мир — они захватили лабораторию, повесили замки и поставили жрецов-смотрителей. А потом под куполом проснулся тот, у кого остались чертежи.

Я хотел написать историю про силу, у которой есть цена. Здесь никто не получает победы бесплатно: каждый бой забирает кровь, каждая встреча с богом — часть души, а финал — месяц на лечении и половину жатвы. Если тебе нравится, когда герой проламывается вперёд не потому, что всё легко, а потому, что иначе нельзя — добро пожаловать в Красный Сектор.

Вторая книга уже вынашивается: Белые Пирамиды ещё не знают, что потеряли ключи. Приятной жатвы.

Оглавление

Глава 1. Прорастание

Глава 2. Анатомия выбора

Интерлюдия I. Орбитальный архитектор

Глава 3. Цена плоти

- Глава 4. Волчьи Ямы
- Глава 5. Горнило Черного Пика
- Глава 6. Зев Пепла
- Глава 7. Твердыня в недрах
- Глава 8. Клетка из меди и кости
- Глава 9. Законы плазмы
- Глава 10. Астральный Загон
- Глава 11. Голод пустоты
- Интерлюдия II. Паника на орбите
- Глава 12. Расколота стая
- Глава 13. Ржавчина и пепел
- Глава 14. Архитектура живого железа
- Глава 15. Ковка живой стали
- Глава 16. Ночь падающих икон
- Глава 17. Анатомия узурпации
- Интерлюдия III. Агония «сварога-7»

Примечание: оглавление построено на полях Word. После правок щёлкните по нему правой кнопкой и выберите «Обновить поле», чтобы обновить страницы.

Глава 1. Прорастание

Тьма в базальтовом кармане была древнее, чем память этого мира.

Она лежала неподвижным, спрессованным монолитом на глубине сорока локтей под поверхностью, зажата между пластами мертвого гранита и черного сланца. Сюда не долетал шум осенних бурь, здесь не было смены дня и ночи, а главное — сюда не могло проникнуть следящее око небесных паразитов.

В центре каменного склепа дремала овальная скорлупа.

Черная, шершавая, размером с кулак взрослого мужчины, она напоминала окаменевшее семя доисторического ти-са. На ее поверхности не было стыков — лишь микроскопические спиральные борозды, повторяющие кривизну золотого сечения.

Семя Зарождения.

Оно ждало четыре тысячи солнечных циклов.

Внутри скорлупы не было чужой души, выдернутой из круговорота перерождений. В ней не спал наивный крестьянский бастард или выброшенный в канаву калека. Внутри дремал архив. Матрица совершенного тела, созданная мной во времена, когда небеса еще принадлежали Вездесущему, а Шестеро Белых еще не смели поднять взгляд на трон Истинного Создателя.

Сигнал пробуждения пришел сквозь капилляры грунтовых вод.

Вода, просачивавшаяся сквозь пласты глины, несла в себе отчетливый химический след. Горький привкус ржавчины. Тяжелый осадок разложившихся кровяных телец. И навязчивую, приторно-сладкую вонь серы и жженого сала.

Красный Сектор.

Тройка Младших — Карн, Варн и Моргот — достроили свою скотобойню. Наверху лилась бессмысленная смертная кровь, питая сеть алтарей, выкачивая из людей страх и покорность ради поддержания чужой божественной власти.

Концентрация скверны в почве превысила порог.

В глубине черной скорлупы щелкнул первый триггер.

Крошечная точка первородной Тьмы — чистая энтропийная сингулярность — вспыхнула в вакуумном ядре семени. Первичный питательный раствор, спавший тысячами, вскипел без огня.

«Условие активации подтверждено. Окружающая среда: биологический кризис. Развертывание матрицы Истока».

Скорлупа лопнула.

Из трещин, раздвигая гранит вокруг себя, брызнули тончайшие белые нити — первичный мицелий. Они не искали чужое мясо. Они потянулись к минералам окружающего камня, расщепляя базальт на кремний, углерод, железо и кальций на атомарном уровне.

В центре трещины закружился вихрь сжатой материи.

Сначала возник скелет.

Не ломкие человеческие кости, способные треснуть от удара дубины. Остов формировался как сложнейший композит: углеродные решетки, сплетенные с титановыми волокнами и кремниевой броней. Ребра ложились широкими, заходящими друг за друга сегментами, закрывая грудную клетку сплошным костным щитом. Позвоночный столб встал в замки с глухим, пружинным щелчком закаленной стали.

Следом пришли мышцы.

Они плелись прямо из минерального пара. Глубокие пласты спины, мощные пучки дельт, плотные пластины брюшного пресса. Мышечные волокна укладывались с тройной

плотностью, готовые выдерживать чудовищные кинетические перегрузки.

Вдоль каждого нерва нарастала двойная миелиновая оплетка. Сигнал от моторных центров мозга должен был лететь со скоростью электрической дуги, опережая любое осознанное движение смертного противника.

Наконец, замкнулся двойной контур кровеносной системы.

Первый нес плотную, насыщенную железом темную кровь. Второй контур — тончайшая сеть эндотелиальных капилляров — предназначался для свободной циркуляции первородной маны, защищая ткани от термического разрушения при высших заклинаниях.

В каменном кармане раздался звук.

ТУК.

Тяжелый, резонирующий удар сердца, от которого по трещинам в граните побежала пыль.

ТУК. ТУК.

Легкие со свистом расправились. Я сделал первый вдох.

Воздух sklepa был мертвым, сухим, пахнущим серой, но клеткам этого хватило: обмен веществ перешел на автономный режим за микросекунду. Температура тела стабилизировалась на отметке в тридцать восемь градусов.

Остатки черной скорлупы осыпались серой пылью.

Я открыл глаза.

Тьма исчезла.

Мое зрение мгновенно разложило пространство на спектры. Инфракрасный диапазон окрасил базальт в холодные сине-зеленые тона с алыми прожилками глубинного магматического тепла. Ультрафиолетовый слой выделил редкие колонии люминесцентного подвального лишайника.

А глубинное, эфирное зрение подтвердило худшее.

Сверху, сквозь толщу скалы, давило тяжелое, гудящее поле. Метафизический ошейник Красных Богов держал этот мир за горло. Каждая мысль, каждый предсмертный стон смертных фиксировались их сетью, превращаясь в дань для Совета Восемнадцати.

Но для этой сети меня не существовало.

Там, где у смертных к затылку тянулась багровая нить рабского реестра, у меня была звенящая, холодная пустота. Я был слепым пятном. Аномалией в их расчерченном загоне.

На безымянном пальце правой руки возник знакомый ледяной ожог.

Кожа зашевелилась.

Из пор выступили капли жидкого металла. Они сливались, текли по суставу с едва слышным шелестом, сворачиваясь в широкое, гладкое кольцо без швов.

Живое Серебро.

Первородная разумная ртуть, часть моей вечной души, пережившая гибель миров.

В центре серебряного кольца мягко вспыхнула зеленая искра. Камень Структуры проснулся, отдаваясь в вены теплой,

успокаивающей пульсацией. Подарок Вездесущего признал своего зодчего.

— Здравствуй, сталь, — негромко произнес я.

Голос прозвучал низко, бархатисто, с ровным металлическим обертоном в резонаторах черепа. Связки работали идеально.

Я поднялся во весь рост. Рост — шесть футов и три дюйма. Широкие покатые плечи, сухое сложение, ни грамма лишней плоти. Кожа матовая, бледно-серая, плотная, как выделанная сыромять вепря.

Но сосуд был пуст.

Синтез титано-углеродного каркаса вычерпал первичное Семя досуха. В мышечных волокнах не было запасов гликогена, нервы звенели от дефицита солей. Мне требовалось топливо. Сырой белок, органика, минералы — и немедленно.

Я поднял взгляд к базальтовому своду. Согнул колени.

Мышцы бедер натянулись, как жилы на осадной катапульти.

Толчок.

ГРОХОТ.

Базальтовая плита под ногами раскололась в щебень. Мое тело сорвалось вверх, пробивая сорок локтей сланца, глины и мокрых дубовых корней, как гнилое сукно.

Я вылетел на дно глубокого лесного оврага, мягко спружинив на четвереньки в холодную грязь.

Шел мелкий, секущий осенний дождь.

Воздух здесь был тяжелым, душным, напитанным запахами гниющих дубовых листьев, болотной тины и характерным металлическим душком скотобойни. Серое, затянутое тучами небо наливалось на горизонте больным багровым маревом — отблеском алтарных костров Карна.

Дождевые капли стекали по моей бледной коже, не задерживаясь на ней: плотный эпидермис обладал водоотталкивающими свойствами.

Вдруг овраг ожил.

Звук пришел справа — чавканье мокрой глины, мелкий шорох папоротника и жадное, булькающее повизгивание.

Они шли цепью, обтекая лошину полукругом.

Четверо.

Болотные гремлины-падальщики. Мелкая, трусливая нечисть, прикормленная жрецами Карна для зачистки окраин.

Они почуяли всплеск эфира при моем прорыве сквозь породу. В их примитивных, заточенных на гниль мозгах этот выброс означал одно: где-то рядом созрел кусок беззащитного, свежего мяса.

Из-за замшелого бурелома показалась первая тварь.

Ростом чуть больше трех футов. Сгорбленная спина с редкой, слипшейся от гноя шерстью, серо-зеленая бородавчатая кожа. Носа не было — лишь две узкие дыхательные щели над широкой пастью, усаженной сотней тонких игловидных зу-

бов. Длинные, похожие на крылья летучей мыши уши нервно дергались в такт падению капель. Передние лапы — несоответственно длинные, мускулистые, с черными серповидными когтями, волочащимися по грязи.

На шее у вожака — самой крупной твари с рваным левым ухом — болтался амулет на жиле. Засушенная человеческая кисть, вымоченная в алой краске. Метка Красного Культа.

Они увидели меня.

Голый, безоружный человек посреди оврага. Ни доспехов, ни меча, ни огня.

Вожак оскалился, издав торжествующий клекот. С его раздвоенного серого языка закапала пеннистая слюна.

Двое мелких сорвались с места одновременно. Они стелились по траве низко, с пугающей скоростью, метая когтями в подколенные сухожилия, чтобы свалить добычу и рвать заживо.

«Вектор атаки — нижний сектор. Скорость — пять ярдов в секунду. Цель — бедренная артерия».

Я даже не шелохнулся.

Мир вокруг замедлил свой бег. Капли дождя словно застыли в воздухе хрустальными бусинами. Я видел каждую мышечную складку на уродливой морде нападающего гремлины, видел натяжение связок в его суставах.

Когда первая тварь прыгнула, я сделал короткое, экономное движение.

Смещение корпуса вправо на четыре дюйма.

Челюсти гремлины клацнули в пустоте. В ту же миллисекунду моя левая рука метнулась вниз. Пальцы, твердые как каленая сталь, вонзились точно в щель между затылочной костью и первым шейным позвонком твари.

ХРУС-С-ТЬ.

Сухой, короткий звук. Атланто-затылочный сустав гремлины превратился в костную муку, спинной мозг оборвался. Тварь сдохла еще в воздухе, не успев коснуться земли.

Второй гремлин, летевший следом, попытался затормозить, но инерция вынесла его прямо мне под ноги.

Удар правой ногой снизу вверх. Носок стопы, защищенный титановой надкостницей, врезался твари точно под нижнюю челюсть.

БУХ.

Череп гремлины запрокинулся с такой силой, что лопнула кожа на шее. Тварь взмыла в воздух на два локтя, брызжа черной слюной и осколками зубов, и тяжело шлепнулась в глину, забившись в агонии.

Осталось двое.

Вожак и мелкий падалыщик застыли в пяти шагах.

Их животная уверенность разбилась о голую геометрию абсолютной эффективности. Двуногий не кричал и не пытался. Он действовал как хищник высшего порядка — без злобы, без страха, с леденящей душу точностью.

Мелкий гремлин заскулил, прижал уши и рванул наутек по крутому склону оврага.

— Стоять, — тихо произнес я.

Басовая вибрация моего голоса ударила по вестибулярному аппарату беглеца. Тварь споткнулась, теряя равновесие. Пальцы моей правой руки подхватили с земли острый скол базальта.

Щелчок плеча.

Камень рассек мокрый воздух со свистом арбалетного болта.

ЧВЯК.

Булыжник вошел беглецу точно в затылок, пробил тонкие кости черепа и вышел через глазницу, пригвоздив морду твари к корням дуба.

Остался вожак.

Поняв, что бежать некуда, тварь оскалилась. Амулет на ее груди — высохшая кисть — вспыхнул тусклым, маслянистым багровым светом.

Кровавый импульс.

Падальщик попытался вычерпать каплю силы алтарной сети Карна. Мышцы на его лапах неестественно вздулись, глаза налились алой кровью, из ноздрей повалил пар.

Он взревел и ринулся на меня, целясь когтями в горло.

— Мусор, — холодно произнес я, шагая навстречу.

Когти вожака полоснули меня по ключице — три огненные борозды, глубокие до кости. Кровь нового тела оказалась темной и густой: она текла медленно, с ртутной тяжестью. Первая цена, уплаченная этому миру.

Когда когтистая лапа оказалась в полуфуте от моего лица, моя правая рука выбросила пальцы вперед, сложившись в жесткий клин.

Удар пришелся точно в солнечное сплетение.

Живое Серебро под кожей мгновенно сформировало внутренний щит, приняв на себя отдачу. Пальцы пробили грудину монстра внутрь, раздавив легкие и разорвав аорту.

Вожак захрипел, его глаза полезли из орбит, алое свечение амулета лопнуло и погасло.

Я удержал его за горло, приподняв над землей, пока тело не обмякло окончательно. Затем швырнул труп к остальным трем.

Овраг снова погрузился в тишину.

— Сто пятьдесят фунтов неочищенного органического субстрата, — подвел я итог.

Ссадины на ключице затягивались на глазах, но голод после схватки был, как пустая топка. Полминуты боя — а запасы сосуда уже требовали топлива.

Я опустил на колено перед кучей мертвых тварей и положил правую ладонь на грудь вожака.

Перстень Вездесущего отозвался мгновенно.

Живое Серебро закипело. Тончайшие металлические нити вырвались из кольца, проникая сквозь шерсть и плоть мертвого гремлина. Зеленый Камень Структуры вспыхнул глубоким изумрудным светом.

«Оболочки мертвы. Внутренний стержень отсутствует.

Запуск деконструкции материи».

Это не было гниlostной некромантией. Это была высшая физика распада.

Под действием Живого Серебра молекулярные связи в телах тварей начали лопаться. Кожа, ядовитое мясо, кости и когти распадались, осыпаясь светящейся зеленовато-серой пылью. Чужая скверна и яды отсекались серебряным фильтром, сгорая без следа.

А чистая первичная биомасса и кинетическая энергия хлынули по каналам перстня прямо в мое тело.

О-О-ОХ.

Это было похоже на глоток жидкого пламени.

Волна сухого жара прокатилась по венам, ударила в сердце и разошлась по каждому капилляру. Мышцы жадно впитывали белок. В печени начал стремительно накапливаться гликоген. Нервы налились тяжелой, уверенной силой, надкостница на голених и ребрах уплотнилась еще на долю миллиметра.

Спустя две минуты на мокрой глине не осталось ничего. Лишь четыре пятна серого минерального пепла, который тут же смыл осенний дождь.

Я поднялся во весь рост. Тело звенело, готовое к долгому рейду.

Но этого было мало. Мне требовалось настоящее оружие. И мне требовались люди.

Я запрокинул голову, настраивая слух на максимум.

Там. На востоке. В полутора милях от оврага.

Сквозь сырой туман пробились звуки, которые невозможно было спутать ни с чем:

Треск ломающегося дерева.

Хрип умирающего тяжеловоза.

Пьяный гогот нескольких глоток.

И... отчаянный, несломленный крик мужчины, закрывающего собой кого-то слабого и родного.

Торговый тракт. Засада.

Живое Серебро на моем пальце мягко шевельнулось.

— Оружие. Конь. Одежда, — перечислил я. — И первый человек со стержнем.

Я сорвался с места. Без разбега. Ноги впечатались в мокрую глину, вырывая пласты земли, и я понесся сквозь мокрый подлесок, разрывая пелену тумана.

Охота за будущим этой вселенной началась.

Глава 2. Анатомия выбора

Бег сквозь чащу занял меньше четырех минут.

Кусты орешника и хлещущие еловые лапы расступались передо мной, не успевая оцарапать укрепленную кожу. Я не бежал — я скользил над рельефом, рассчитывая каждый шаг по микрорельефу почвы.

Впереди лес расступился, открывая широкую просеку старого торгового тракта.

Я замедлил шаг на краю крутого глинистого обрыва, укрывшись за широким стволом векового тиса.

Внизу стояла повозка.

Тяжелый купеческий воз с высокими бортами, груженный мешками со спелой рожью, накренился на правый бок — заднее колесо было в щепки раздроблено тяжелой секирой. Один из двух битюгов лежал в колее с перерубленным горлом, паря на холодном осеннем ветру. Второй конь, ошалевший от запаха свежей крови, хрипел, привязанный бандитами к березе на обочине.

Вокруг повозки кипела грязь.

Их было одиннадцать.

Обычное лесное отребье: дезертиры, беглые каторжники с клеймами на плечах и деревенские насильники. Одеты в ржавые клепаные куртки, вареную кожу и драное сукно. В руках поблескивали фальшионы, тесаки, дубины с гвоздями и секиры.

Они не торопились. Они упивались моментом, как шакалы у туши загнанного оленя.

В узком пространстве между повозкой и глинистым откосом держал оборону мужчина.

Торн.

Лет сорока пяти. Кряжистый, широкоплечий, с мозолистыми руками пахаря и торговца. Его холщовая рубаха вымокла от пота и дождя, кожаный фартук был залит темными пятнами. Лицо пересекала глубокая рваная рана от виска до челюсти, кровь заливала левый глаз, дыхание вырывалось со свистом и клекотом: ребра слева были сломаны, осколки ца-

рапали плевру.

Но он не падал.

В руках Торн сжимал тяжелые кованые навозные вилы. Их средний зубец был обломан, но двумя оставшимися он намертво пригвоздил к колесу повозки молодого бандита — парень висел на железе, беззвучно разевая рот и пытаясь удержать вываливающиеся кишки.

За спиной отца, забившись в глубину повозки между разорванными мешками с зерном, сидела девушка.

Мира.

Ей было не больше девятнадцати. Темные мокрые волосы прилипли к бледным щекам, на пальцах — въевшаяся мучная пыль. Платье на левом плече было разорвано ножом. В руках она судорожно сжимала маленький изогнутый серп для подрезки мешковины.

Она дрожала крупной дрожью, но не кричала. В ее серых глазах плескался смертный ужас, однако она держала серп острием наружу, готовая вонзить его в глаз первому, кто перешагнет через тело отца.

— Бросай вилы, мельник! — хрипло заржал главарь банды, стоявший в пяти шагах и лениво поигрывая оружием. — Ты все равно сдохнешь через десять вдохов! Бросай железо, и мы не станем мучить твою девку до заката! Обещаю, я лично перережу ей глотку сразу после того, как войду в нее!

Главаря звали Бранн.

Кряжистый ублюдок с сальной бородой. Единственный

среди шайки, на ком была надета трофейная кольчуга тонкого плетения. А в правой руке он держал широкий полуторный меч.

Клинок был породистым.

Серая метеоритная сталь покрыта тонкой рунической вязью, слабо светившейся холодным лазурным огнем. От лезвия шел морозный пар — капли осеннего дождя, касаясь стали, мгновенно замерзали в белый иней. Офицерский меч северного пограничного полка, зачарованный на лед второго круга.

Перстень на моем пальце отозвался легкой вибрацией: Живое Серебро узнало благородный металл.

Торн сплюнул под ноги сгусток черной крови. Его ноги подкашивались, но руки мертво держали черенок вил:

— Ты тронешь ее... только когда я остыну, Бранн. Подходи сам, пес. Или только из-за спин брехать научился?

Бранн скривился:

— Кончайте его, парни. Сломайте старику ноги. Девку связать.

Трое бандитов с топором и тесаками шагнули вперед...

В этот миг я сделал шаг с обрыва.

Я упал вниз без звука. С высоты трех саженей.

Мышцы ног сработали как пружины, погасив удар. Мои ступни вошли в вязкую колею тракта точно за спиной бандита с дубиной.

Он не успел обернуться.

Моя правая ладонь, сложенная в жесткую лодочку, с коротким хлопком рассекла воздух.

ХРУС-С-ТЬ.

Удар пришелся точно в основание черепа. Шейный отдел разлетелся на осколки, спинной мозг превратился в кашу. Мужчина рухнул в грязь, как подкошенный мешок с песком.

Остальные десять замерли.

На тракте повисла тяжелая, гулкая тишина.

Они увидели высокого, совершенно обнаженного мужчину с кожей цвета сланца. Серые глаза смотрели сквозь них — холодно, без капли злобы, словно мясник оценивал загон со скотом.

— Что за... — начал второй, с топором.

Короткий подшаг. Моя левая рука перехватила его запястье.

Сжатие. Кости сустава лопнули внутри мяса с мокрым хрустом. Мужчина закричал тонким визгом, роняя топор.

Короткий полукруг правой ладонью — основание кисти врезалось ему точно в переносицу. Обломки кости вошли в мозг. Крик оборвался. Труп осел под ноги.

Два.

— Убейте его! Порубите его на куски! — взвизгнул Бранн, пятясь назад и выставя светящийся ледяной меч.

Оставшиеся восемь бросились толпой.

«Вектор атаки — хаотичный. Синхронизация отсутствует».

Я выдернул из ножен падающего трупа короткий фальшион. Сырая сталь. Но в моих руках она стала продолжением нервной системы.

Первый удар. Шаг в сторону. Острие копья просвистело мимо моих ребер. Мой клинок вошел копейщику в подмышку, пробив подключичную артерию и выйдя с противоположной стороны шеи.

Три.

Обратный мах на вращении корпуса. Фальшион рассек брюшину следующего бандита от бедра до ребер. Внутренности вывалились в дорожную грязь с тяжелым шлепком.

Четыре.

Третий попытался опустить на меня цеп с шипастым грузилом.

Моя левая рука метнулась навстречу цепи, но звенья легли мимо блокировавшего предплечья. Шип хлестнул поперек спины — разодрал широчайшую мышцу до ребра, сорвав полосу кожи. Кровь хлынула под хватку, и эфес стал мокрым, скользким.

Я зарычал сквозь зубы и дернул цепь на себя.

Бандит полетел вперед — прямо на выставленный носок моей ноги. Удар в гортань. Хрящи щитовидного узла лопнули.

Пять.

Вся схватка длилась шесть секунд.

Пять вооруженных мужчин лежали в грязи изломанными

телями. Оставшиеся пятеро затормозили. Их лица побелели. В глазах плескался первобытный ужас.

— Демон... — прохрипел один из них, пятясь к обочине.

— Стоять! — взревел Бранн. — Рубите его, суки!

Двое попытались сделать выпад.

Перстень Вездесущего вспыхнул изумрудом. Живое Серебро брызнуло из кольца, натянувшись между моими пальцами тончайшей струной.

Взмах кистью.

Струна рассекла воздух с ультразвуковым свистом.

Две головы соскользнули с плеч чисто и без звука, показавшись в грязь, а тела пробежали еще два шага, заливая колею фонтанами крови.

Семь.

Трое оставшихся бросили оружие и с диким воем ринулись в чащу.

Пальцы моей ноги поддели в грязи тяжелый мясницкий тесак. Бросок рукой без замаха.

Тесак вошел первому беглецу точно между лопаток, пробив хребет.

Восемь.

Двоих оставшихся достали серебряные нити Перстня: Живое Серебро вытянулось на двадцать ярдов, захлестнуло их голени и рвануло навстречу друг другу. Хруст костей разнесся сухим щелчком. Я методично добил их двумя точечными уколами фальшиона в основание черепа.

Десять.

Остался один.

Бранн стоял, прижавшись спиной к борту повозки. Его полуторный меч ходил ходуном, вычерчивая в воздухе неровные ледяные круги.

— Ты... кто ты, тварь? — выдавил он. — Я служу отцу Малхору! Если ты тронешь меня, Красный Трон сожрет твою душу!

— Твой Малхор — падальщик, — ответил я, приближаясь шаг за шагом. — А ты — грязь под его ногтями.

Бранн взвыл и обрушил меч сверху вниз обеими руками. Зачарованная сталь загудела, морозная волна ударила мне в лицо, превращая морось в ледяную крупу.

Я поднял правую руку навстречу удару.

Живое Серебро хлынуло по ладони, формируя зеркальную перчатку.

ДЗЫ-Ы-ЫНЬ!

Звук был таким, словно молот ударил по наковальне. Зачарованное лезвие ударило прямо в мою открытую ладонь. Серебро встало между сталью и костью — но руны холода Второго круга не разбились о металл. Они прошли сквозь него, как вода сквозь камень, и вонзились морозными иглами в ладонь и запястье.

Боль была белой, чистой, новой для этого сосуда. Пальцы свело судорогой, ногти мгновенно посинели. Живое Серебро завизжало внутри вен, выжигая чужую магию, и на выжи-

гание ушел запас топлива, отложенный на следующий бой.

Но рука держала.

Глаза Бранна полезли из орбит. Он дернул меч на себя, но мои онемевшие пальцы сомкнулись на лезвии титановым капканом — уже без блеска, на чистой злой механике.

— Хорошая основа, — одобрительно заметил я. — Метеоритное железо. Живому Серебру понравится.

Моя левая рука пробила кольчугу на его груди, войдя внутрь плоти. Пальцы сомкнулись на бешено колотящемся сердце главаря — и сжали его.

Бранн дернулся, захрипел и рухнул в грязь.

Одиннадцать.

Тишина. Только шум дождя по брезенту да прерывистое дыхание Торна за моей спиной.

Я стоял посреди одиннадцати куч пепла и внимательно слушал собственное тело. Правая рука после рунного мороза восстанавливалась медленно — Живое Серебро все еще выгрызало из мяса чужие руны. Левый бок горел от цепа. Ноги била мелкая голодная дрожь.

Шесть секунд боя у смертных. Минуты восстановительных процессов у меня. Математика, которая убьет меня при встрече с чем-то тяжелее шайки головорезов.

Я опустил взгляд на клинок в правой руке.

Живое Серебро пришло в движение. Оно потекло с ладони на эфес, жадно впитываясь в поры метеоритной стали. Зеленый Камень Структуры вспыхнул изумрудом. Клинок

отозвался низким гулом. Руны холода растворились. Вместо них по лезвию побежал тонкий серебряный хамон — волнистая линия закалки. Серебро срослось со сталью на атомном уровне. Меч стал продолжением моих нервов.

Я развернулся.

Торн сидел на коленях, зажимая сломанные ребра. Его вилы лежали в грязи. Лицо торговца было белым, но в единственном видящем глазу не было страха. Там горел нестигаемый стержень человека, готового умереть за своего ребенка.

А за его спиной, сжимая в побелевших пальцах серп, стояла Мира. Она смотрела на меня — на незнакомца, чьи руки дымились чужой кровью, а в руке гудел серебряный клинок.

Я поднял с земли сухой шерстяной плащ, набросил на плечи и подошел к раненому:

— Кто... ты? — прохрипел Торн, сплевывая черную кровь. — Чего ты хочешь от нас?

Я опустился перед ним на колено:

— Я тот, кто помнит мир до того, как на него надели ошейник, Торн. А от тебя мне нужно только одно. Твой стержень. И твой клинок.

Интерлюдия I.

Орбитальный архитектор

Орбитальная станция «Сварог-7». Высота — 420 километров над поверхностью Осколочного Сектора Красный-14.

Воздух в модуле управления пах озонем, сухим кондиционированным холодом и дорогим земляничным табаком.

Доктор Аркадий Радов — в прошлом ведущий специалист Института Квантовой Гравитации в Дубне, а ныне Архитектор-Ноль на службе Совета Восемнадцати — полулежал в глубоком кресле, закинув ноги в шелковых туфлях на консоль терминала.

Перед ним висела голограмма планеты.

Она была дикой и красивой. Тайга, ленты рек, серые пятна болот. Поверх карты мир оплетала светящаяся багровая сетка алтарной сети Совета Восемнадцати.

Радов сделал длинную затяжку из инкрустированной трубки, выпустив кольцо сизого дыма. В левой руке он лениво покачивал бокал с солярной амброзией — даром Желтых Богов. Напиток мягко грел пищевод, даруя вечную молодость и чувство абсолютного превосходства над смертными внизу.

— Господи, как же хорошо... — пробормотал Радов по-

русски, прикрыв глаза. — И ведь сидел бы сейчас на кафедре, кланчил гранты у чиновников, жрал казенный доширак и подыхал от инфаркта к шестидесяти... А здесь? Боги платят щедро. За одну формулу квантового захвата — персональный рай.

Он скосил глаза на соседний монитор с расчетами проекта «Жатва Эпох». Формулы макроскопической квантовой запутанности работали идеально:

Сектор Красных (Карн, Варн, Моргот): 1066 год. Битва при Стамфорд-Бридже. Забрано: 4 200 норманнов и англосаксов.

Сектор Желтых (Аурелион, Вектор, Номос): 53 год до н.э. Битва при Каррах. Забрано: 9 400 легионеров Красса.

— Меч и магия... — усмехнулся ученый. — Никакого пороха. Никакого атома. Белые умны: дай этим приматам физику — они через три века постучат в двери Белых Пирамид. А с топорами и гладиусами они будут резать друг друга вечно, поставляя чистейшую веру на алтари.

Вдруг на главной консоли раздался короткий зуммер.

Радов нахмурился и пододвинул сенсорную панель. В секторе 0-14 — глухой лесистой провинции наместника Малхора — одна из контрольных нитей алтарной сети окрасилась в серый цвет.

[ДИАГНОСТИКА: Узел 14-Б (Овраг Безымянный)]

[Статус: Потеря сигнала (4 единицы: Болотные гремлины)]

[Энтропийная погрешность: 0.0004%]

[Примечание: Кратковременное искажение гравитационного поля]

— Что за чушь? — пробормотал Радов, протирая пальцем экран. — Гремлины сдохли? Черт с ними. Но откуда скачок гравитации в овраге?

Он нажал клавишу спектрального анализа. Квантовые сканеры прочесали координаты оврага.

Ответа не было. На месте оврага зияла крошечная черная точка — абсолютный ноль отраженного сигнала.

Радов почесал подбородок и с легким раздражением свернул окно диагностики:

— Опять датчики третьего контура барахлят. Надо сказать Желтым, чтоб протерли оптику. Вечно серные пары с болот зеркала засирают.

Он снова откинулся на спинку кресла, поднося трубку к губам.

Он не знал, ЧТО только что вышло из этой черной точки.

И не знал, что обратный отсчет до падения его орбитального рая уже запущен.

Глава 3. Цена плоти

Дождь смывал кровь с разбитых камней тракта медленно, неохотно, превращая колею в серую мыльную жижу.

Одиннадцать трупов вокруг повозки остывали. Пар от разорванных тел поднимался к низким еловым лапам, смешиваясь с запахом прелой ржи и копотью потухшего факела.

Торн сидел на коленях, уткнувшись лбом в расколотую спицу тележного колеса. Его широкая грудь ходила ходуном, издавая при каждом вдохе влажный, сосущий свист. Губы мужчины приобрели мертвенно-синий оттенок — признак

того, что кровь из разорванного легкого уже заполняла плевральную полость, сдавливая сердце.

Рядом, упав в грязь на колени, дрожала Мира.

Она отбросила свой серп. Тонкие, испачканные мукой и сажей пальцы судорожно прижимали край разорванного холщового фартука к левому боку отца. Темная, почти черная кровь толчками пробивалась сквозь ткань, заливая ее ладони.

— Дыши, батя... Дыши, родненький... — шептала она сухими, побелевшими губами. Слезы прочертили чистые дорожки на ее щеках, но в голосе не было истерики. Лишь слепое, отчаянное упрямство. — Не смей уходить... Слышишь? Не смей!

Я подошел вплотную.

Трофейный шерстяной плащ, брошенный на плечи, уже пропитался ледяной водой. Но гораздо хуже было другое: внутри моего собственного тела замигал невидимый аварийный сигнал.

«Расход гликогена: девяносто два процента.

Уровень свободной глюкозы в плазме: критический.

Микроразрывы широчайшей мышцы спины после удара о цепь.

Контузия правой кисти: руническое обморожение Второго круга. Нейропроводимость: семьдесят процентов.

Рассечение левого бедра: ткань регенерирует.

Термогенез ядра падает на полтора градуса».

Шесть секунд боя на запредельных скоростях обошлись недешево. Сосуд, выращенный из Семени, был совершенным оружием, но законы термодинамики не обмануть даже Вездесущему. Чтобы кости выдерживали удары железа, а мышцы двигались быстрее арбалетного болта, требовалось колоссальное количество топлива. Мое тело было ненасытной топкой. Биомасса четырех гремлинов сгорела в топке схватки без остатка. В висках тяжело, глухо пульсировало — мозг требовал сахара и солей.

Если я не восполню ресурсы в ближайшие пару часов, плоть начнет жрать собственный белок.

— Отойди от него, Мира, — произнес я.

Голос прозвучал хрипло, со скрежетом, связки пересохли. Девушка вскинула голову. В ее серых глазах плескался первобытный ужас перед голым чудовищем, чьи пальцы еще сочились кровью ее мучителей. Но она не отползла. Напротив — загородила отца плечом, судорожно сжав кулаки:

— Ты... ты убьешь его? Зачем ты спас нас, если хочешь добить?!

— Если бы я хотел его смерти, я бы просто подождал еще сорок секунд, — я опустил на одно колено прямо в кровавую грязь. — Твой фартук не остановит кровь, девочка. Осколок четвертого ребра перебил межреберную артерию и пропорол нижнюю долю легкого. Каждый раз, когда он втягивает воздух, кровь затекает в альвеолы. Еще дюжина вдохов — и он утонет изнутри.

Торн с трудом поднял веки. Его единственный видящий глаз заплыл багровой сукровицей, но взгляд оставался ясным, тяжелым:

— Не тронь... дочку, странник... У нас... под сиденьем мешок серебра... Забирай... Кобылу вторую забирай... Ее... не тронь...

— Замолчи, Торн. Береги воздух, — я положил ладонь ему на грудь.

Кожа мужчины была липкой, холодной. Мышцы под моими пальцами судорожно подергивались.

Обычный жрец Красного Трона начал бы резать курицу над его головой, пытаясь чужой агонией подстегнуть угасающую жизнь. Жрец Белых Богов потребовал бы десятилетий молитв и рабской десятины.

Я повернулся к Мире:

— Возьми меня за запястье.

— Что?.. — она отшатнулась.

— Возьми меня за руку, если хочешь, чтобы твой отец дышал, — отрезал я, не повышая тона. — Твои руки чувствуют жизнь лучше, чем ты думаешь. Не трать его секунды.

Мира сглотнула ком в горле. Ее пальцы — холодные, дрожащие — робко обхватили мое правое предплечье чуть выше перстня.

Я замкнул контур.

Крошечный импульс Живого Серебра протек сквозь поры моей кожи, коснувшись нервных окончаний девушки. Я не

давал ей магии — я просто временно объединил наше восприятие, сняв блоки с ее зрительной и тактильной коры.

Мира судорожно ахнула, запрокинув голову. Ее зрачки расширились на весь глаз.

Она увидела.

Грязный тракт, морозящий дождь и разбитая повозка перестали существовать. Перед ее внутренним взором раскрылся живой храм человеческой анатомии.

Она увидела тело отца как сложнейшую светящуюся карту: русла крупных сосудов, пульсирующие алым жаром; темные, спазмированные узлы мышц; и черную, расползающуюся кляксу в левом подреберье, где из разорванного сосуда толчками выплескивалась драгоценная жизненная сила, заливая мерцающие ткани легкого.

— О боги... — выдохнула она одними губами. — Там... там всё рвется...

— Не боги. Физиология, — мой голос прозвучал прямо в ее сознании, спокойный и твердый, как гранитная скала. — Смотри внимательно. Жизнь — это не таинство. Это баланс давления и целостности сосудов. Сожми пальцы на моем запястье. Посылай тепло своей воли туда, где темнеет ткань.

Я положил левую ладонь на пробитые ребра Торна.

Перстень отозвался. Живое Серебро тончайшими иглами вошло под кожу раненого, минуя болевые рецепторы.

«Синтез фибрина. Вазоконстрикция левой межреберной артерии.

Расход собственной биомассы: три процента.

Нагрузка на ядро: допустимая».

Под моей ладонью раздался тихий, влажный хруст.

Костные осколки сломанного ребра медленно, словно ветви живого дерева, потянулись навстречу друг другу. Серебряные нити оплели трещину, стягивая кальциевые пластины в монолит. Одновременно с этим черная мана Тьмы заморозила кровотечение: кровь в поврежденном сосуде мгновенно свернулась ровной, плотной пробкой.

Через связанные каналы я заставил альвеолы легкого вытолкнуть скопившуюся жидкость наружу.

— Кашляй, Торн! — скомандовал я вслух.

Торн судорожно дернулся. Его грудь выгнулась дугой, из горла вырвался хриплый, надсадный кашель. Мужчина выплюнул на камни полстакана черной, запекшейся крови.

В-Д-О-О-ОХ.

Первый чистый вдох ворвался в его легкие со свистом свежего ветра. Синева с губ торговца начала стремительно спадать, уступая место горячему румянцу. Разорванная кожа на боку стянулась толстым, грубым розовым рубцом.

Я разорвал контакт.

Мира покачнулась, отпуская мое запястье, и тяжело оперлась ладонями о грязь. Ее трясло крупной дрожью, но в глазах больше не было слез. Там горело тихое, благоговейное пламя первооткрывателя, заглянувшего за изнанку мироздания.

— Он... он будет жить? — прошептала она, глядя на ровно вздымающуюся грудь отца.

— Будет, — я поднялся на ноги. В глазах на секунду потемнело от голода — ремонт чужой плоти сожрал последние крохи моих свободных калорий. — Но долго он не протянет, если мы останемся здесь. На запах бойни скоро сползется вся лесная падаль.

Я повернулся к телам убитых разбойников.

— Торн. Если можешь стоять — поднимись и проверь упряжь уцелевшего коня. Мира — собери из повозки все сухое зерно, вяленое мясо и соль, какие найдешь. Нам предстоит долгий переход.

Торн тяжело поднялся. Он пошатывался, держась за борт телеги, ощупывая свой левый бок так, словно там должно было быть пустое место. Пальцы нащупали лишь твердый рубец. Мужчина посмотрел на меня снизу вверх — долго, тяжело, свинцовым взглядом человека, который только что вернулся с того берега реки мертвых.

— Ты не человек, путник, — глухо произнес он. — И не колдун из тех, что служат алтарям. Колдуны Карна берут кровь, а не отдают ее.

— Как мне звать тебя, господин? — выдавил он, борясь с дыханием. — Имя. Пусть хотя бы имя останется у смертных, которые видели тебя.

Я поднял меч Бранна, и серебряный хамон на лезвии блеснул в сером свете дня.

— Каэл, — ответил я. — Имя, которое я вытащил из-под руин первого мира. Хватит его и тебе.

— Каэл, — повторил Торн, будто пробуя слово на вес. — Звучит, как удар молота по наковальне. Подходит.

— Я тот, кто перекует этот мир заново, Торн, — ответил я, подходя к трупу Бранна. — А теперь не трать дыхание. Работай.

Я опустился на колено перед телом главара.

Пришло время кормить сосуд.

Правая рука с перстнем легла на кольчугу Бранна. Живое Серебро взвыло от нетерпения. Тончайшая металлическая сеть вырвалась из кольца, растекаясь по мертвому телу разбойника сотнями светящихся ручейков.

«Стержень разрушен. Воля угасла. Глубокая деконструкция».

Мира вскрикнула, прижав ладони к рту. Торн замер у по-возки, не веря собственным глазам.

Стокилограммовое тело главара банды начало таять. Кольчужные кольца, грязная кожаная куртка, кости, мясо, сальные волосы — все это теряло плотность, распадаясь на мерцающие изумрудно-серые пылинки.

Молекулярный распад.

По серебряным каналам перстня в мою ладонь хлынул концентрированный поток первородного топлива. Чистые аминокислоты, глюкоза, фосфаты, железо и сырая кинетическая сила одиннадцати смертей.

ЖАР.

Это было похоже на то, как если бы в пересохшее русло горной реки ударил сокрушительный паводок.

Мои мышцы жадно впитывали белок. Печень заполнилась гликогеном под завязку. Микроразрывы на спине затянулись за долю секунды, температура ядра вернулась к идеальной норме. Глаза снова обрели кристальную резкость.

Я методично обошел все одиннадцать тел.

Одно за другим. Вспышка изумрудного света, серебряная рябь, тихий шелест распадающейся материи — и очередная порция ресурсов оседала в резервуарах перстня.

Через пять минут на тракте не осталось ни одного трупа. Ни капли вони. Лишь одиннадцать аккуратных кучек серого минерального пепла, который уже смывали струи дождя.

Я подошел к перекованному мечу, лежащему на брезенте, поднял его и вогнал в простые кожаные ножны, срезанные с пояса Бранна. Метеоритная сталь с серебряным хамом тихо отозвалась в ладонь приятной, хищной вибрацией.

— Куда мы идем, Хозяин? — негромко спросил Торн.

Он больше не задавал вопросов о золоте или пощаде. Старый торговец зерном сделал свой выбор в ту секунду, когда его сломанные ребра срослись под моей ладонью.

— К Черному Пику, — ответил я, указывая острием меча на северо-запад, где над горизонтом сгущалась багровая мгла. — К вулкану. Там ты добровольно шагнешь в лаву, Торн. И перестанешь быть овцой.

Торн посмотрел на дочь, затем перевел взгляд на дымящийся пепел на дороге. Челюсти мужчины сжались так, что на скулах вздулись желваки:

— Я готов, Хозяин. Но до Черного Пика двадцать верст через топи. А на пути лежат Волчьи Ямы.

— Волчьи Ямы? — я повернулся к нему.

— Старая каменоломня барона Вольфа, — быстро заговорил Торн, поправляя упряжь уцелевшего коня. — Бранн был лишь собакой на поводке. В каменоломне сидит их основное гнездо. Больше четырех десятков головорезов. Но хуже другое: там стоит постоянный гарнизон культа.

Торн помрачнел, понизив голос:

— Жрец Карна прислал туда своего аколита. Младшего надсмотрщика по имени Кроган. У него десяток боевых псов, вскормленных кровью жертвенников, и тройка тяжелых станковых арбалетов на вышках. Каменоломня заперта частоколом в три человеческих роста. Если мы сунемся туда в лоб — нас просто расстреляют со стен тяжелыми болтами. Арбалетный болт с десяти шагов пробивает рыцарский щит вместе с латником.

Я слегка усмехнулся. Взгляд мой скользнул по лесной опушке, где серый туман уже начинал сгущаться перед закатом.

— Четыре десятка отборной падали. Станковые арбалеты. Боевые псы и аколит культа.

Я коснулся Перстня Вездесущего. Зеленый Камень

Структуры внутри кольца ответил ровной, голодной пульсацией.

— Прекрасно, Торн. Нам как раз не хватало четырех десятков душ, чтобы разжечь огонь в жерле Черного Пика.

Я подошел к Мире, помог ей забраться на спину коня и вложил в ее тонкие пальцы поводья:

— Держись крепко, девочка. Сегодня ночью ты увидишь, как падают крепости, построенные на рабской крови.

Мы покинули тракт. Впереди лежали Волчьи Ямы. И первая настоящая битва, где одного клинка будет слишком мало.

Глава 4. Волчьи Ямы

Сумерки в предгорьях напоминали разлившуюся по стеклу черную желчь.

Осенний туман, поднимавшийся от торфяников, цеплялся за мокрые ветви карликовых сосен, пах гнилой водой и серным налетом. Дождь почти стих, превратившись в липкую, холодную взвесь, оседающую каплями на ресницах.

Мы вышли к краю котловины за час до полуночи.

Старая каменоломня барона Вольфа оправдывала свое прозвище. Волчьи Ямы были гигантской гранитной раной в

теле скалистого плато — циклопический карьер полумили в поперечнике, террасами уходящий на глубину сорока саженей. В незапамятные времена здесь добывали серый строительный камень для крепостей южного лимеса, но пласты уперлись в серную жилу и подземные ключи. Дно карьера превратилось в черное стоячее озеро, а заброшенные бараки каторжников облюбовала шайка Бранна.

И не только они.

Я лежал на краю обрыва, вжавшись в мокрый вереск.

Рядом, стараясь дышать через нос, замер Торн. Его могучая ладонь лежала на шее вороного жеребца, успокаивая зверя. Чуть позади, под прикрытием сложенных плитняка, сидела Мира. Девушка перетирала в ладонях пучки сухой полыни и чемерицы, пачкая пальцы горьким соком: по моему приказу она натирала наши сапоги и поводья коня, сбивая запах человеческого пота.

— Вон они, — глухо прошептал Торн, указывая пальцем вниз. — Видишь факелы на насыпи?

Я не нуждался в подсказках.

Мое бинокулярное зрение уже разложило лагерь на секторы поражения.

Вход в карьер был один — узкая серпантинная дорога, вырубленная в отвесном граните. Ее перекрывал массивный частокол из мореного дуба высотой в три человеческих роста. Бревна были стесаны на конус и увенчаны железными шипами.

Над воротами возвышались две бревенчатые башни.

И на каждой из них тускло поблескивало то, о чем преудпреждал Торн.

Тяжелые крепостные скорпионы.

Станковые арбалеты с дугами из слоеного ясеня и половой стали, намертво вмурованные в поворотные станины. Толщина тетивы из скрученных воловьих жил — в палец толщиной.

Я приблизил фокус: в зарядных желобах лежали четырехгранные стальные болты длиной в добрых четыре фута. Наконечники были выкованы в форме конических буров — такие орудия предназначались для пробития дубовых осадных щитов и легких штурмовых башен.

Если такой болт попадет мне в грудь даже по касательной — композитная надкостница треснет, а кинетический удар переломает внутренние органы в фарш. Моя плоть была плотной, но законы баллистики никто не отменял.

— Три десятка в бараках у воды, — считал я тепловые силуэты в инфракрасном спектре. — Шестеро у костра возле конюшни. Двое на левой вышке, двое на правой. И...

Вдруг из глубины карьера донесся звук, от которого вороной жеребец за моей спиной глухо захрапел, натягивая поводья.

Хриплый, захлебывающийся лай.

Это не был собачий брех. Звук был низким, kloкочущим, металлическим — словно лаяло существо, чьи легкие и гор-

тань были залиты свинцом.

Из длинного приземистого сарая у подножия скалы выскочила свора.

Десять тварей.

Кровавые гончие культа Карна.

Они напоминали чудовищную помесь мастифа и волка, но их плоть была изуродована жреческой селекцией. Шкуры не было вовсе — лишь сырое, багровое мясо, переплетенное белесыми сухожилиями, непрерывно сочащееся сукровицей. Глаза тварей были слепыми, заросшими бельмами, но ноздри — широкие, раздувающиеся — непрерывно фильтровали воздух. Челюсти гончих могли перекусить бедренную кость быка с одного щелчка.

Следом за сворой из сарая вышел человек.

Высокий, неестественно тощий, в просторном балахоне из грубой мешковины, перепоясанном толстой жильной веревкой. На веревке покачивались три отрубленные кисти младенцев — знак жреческого сана. Его лицо закрывала маска из высушенной кожи вепря с прорезями для глаз, в которых тлел холодный багровый огонь.

Аколит Круган.

Младший проводник воли Карна. В левой руке он держал сыромятный бич с вплетенными медными крючьями, в правой — короткий ритуальный серп из черного обсидиана.

— Псы чуют кровь, — пробормотал Торн, его челюсти сжались. — Ветер сменился, тянет с востока. Если они возь-

мут наш след на гребне...

— Не возьмут, — отрезал я, осматривая край обрыва. — Трава Миры перебила животный запах. Но аколит не дурак: он нервничает. Бранн должен был вернуться к закату с зерном и пленниками. Срок вышел четыре часа назад. Лагерь ждет нападения.

— Тогда как мы войдем? — спросил Торн, приподнимаясь на локтях. — Ворота на запоре. Через частокол не перемахнуть — с вышек снимут болтами прежде, чем нога коснется земли.

— Ворота нужны тем, у кого есть повозки, — я повернулся к нему. — Вы с Мирой остаетесь здесь. За этим гранитным гребнем.

— Хозяин... — подала голос Мира. Ее пальцы вцепились в рукав моего плаща. Девушка смотрела на меня снизу вверх, и в ее серых глазах плескалась неподдельная тревога. — Их слишком много. И эти псы... от них пахнет могилой. Они не чувствуют боли. Если они зажмут тебя в угол...

— Меня нельзя зажать в угол, Мира, — я мягко, но властно снял ее руку со своего плеча. — Угол существует лишь для тех, кто мыслит двумя измерениями. Торн, держи коня. Если со двора пойдет густой белый дым — это мой знак. Спускайтесь вниз только тогда, когда стихнет последний крик. Не раньше.

Я сбросил тяжелый шерстяной плащ, оставшись в одних темных портах.

Мышцы спины и плеч омыл ледяной ночной воздух. Я коснулся Перстня Вездесущего: Живое Серебро послушно потекло по коже, сформировав на ступнях и ладонях тончайшие, шероховатые накладки — микроскопические крючья из чистого металла, способные цепляться за малейшие поры камня.

Меч в кожаных ножнах лег за спину, зафиксированный ремнем поперек груди.

— Десять минут, — бросил я через плечо. — Считайте удары сердца.

Я перевалился через край обрыва и растворился в темноте отвесной гранитной стены.

Спуск по мокрой скале занял меньше сорока секунд.

Я не использовал веревки. Живое Серебро на кончиках пальцев вгрызалось в базальт, словно алмазные резцы. Мышцы отрабатывали микровибрации, гася инерцию скольжения. Я падал от уступа к уступу, превратившись в бесшумную серую тень, пока подошвы мягко не коснулись мокрой гранитной осыпи на дне карьера — прямо за глухой задней стеной бараков.

Здесь вонь стояла невыносимая.

Запах застоявшейся мочи, тухлой конины и приторный душок жертвенной ямы, куда жрецы сбрасывали отходы ритуалов.

Я прижался спиной к замшелым бревнам склада.

Сенсорные каналы работали на пределе: слух отслеживал

шаги часовых на башнях.

Скрип деревянных настилов. Тяжелое, ленивое дыхание арбалетчиков.

— ...говорю тебе, застрял Бранн на тракте, — донесся сверху хриплый голос стрелка с левой вышки. — Тракт в кисель развезло. Вот Круган и бесится. Ему завтра караван в Карн-Гул отправлять, а чаши наполовину пустые.

— Плевать на чаши, — отозвался второй с правой башни. — Лишь бы жратву привезли. От этой солонины уже кишки выворачивает...

Я оценил расстояние.

Высота левой вышки — двадцать футов. Опорные столбы гладкие, просмоленные, обитые железными полосами от поджога.

Но для Живого Серебра это не было преградой.

Я сорвался с места.

Рывок. Без разгона — тело сразу вышло на пиковую скорость. Пять шагов по грязи, толчок от штабеля сырых досок.

Мои ладони впечатались в просмоленное бревно опоры. Серебряные накладки вошли в дерево на два дюйма. Еще один рывок мышц спины — и я взлетел вверх, перемахнув через дощатые перила настила без единого скрипа.

Первый арбалетчик — приземистый детина в стеганом поддоспешнике — сидел на чурбаке, спиной ко мне, ковыряя ножом под ногтями. Заряженный скорпион стоял на стене в двух шагах от него, направленный в темноту ущелья.

Я не стал вытаскивать меч.

Шаг вперед. Левая рука легла ему на подбородок, правая — на темя.

ЩЕЛЧОК.

Резкий, короткий проворот шейного отдела на девяносто градусов. Хрящи хрустнули сухо, словно скорлупа лесного ореха. Мужчина даже не успел выронить нож — его тело обмякло в моих руках.

Я подхватил труп под мышки, не дав ему грохнуться о настил, и аккуратно опустил на доски.

Второй часовой на соседней вышке — в тридцати ярдах через створ ворот — что-то почувствовал. Он повернулся, щурясь сквозь туман:

— Эй, Гарка! Ты чего там затих? Поймал мыша, что ли?

Я подошел к скорпиону.

Тяжелая железная станина была смазана воловьим жиром. Рычаг спуска — массивная кованая педаль.

Человек не смог бы развернуть это чудовище в одиночку без скрипа поворотных шарниров.

Но я положил ладонь на поворотное кольцо. Живое Серебро протекло внутрь механизмов, заливая зазоры зеркальной пленкой, снимая трение.

Бесшумно. Станина повернулась на сорок градусов влево, направляя четырехфутовый стальной бур прямо в грудь дозорного на противоположной башне.

— Гарка?... — голос стрелка дрогнул, в нем прорезалась

паника: он наконец разглядел, что силуэт у орудия был слишком высоким, широким и совершенно голым.

Я наступил на рычаг спуска.

ТУМ-М-М!

Тетива из скрученных жил хлестнула с оглушительным звуком лопнувшего корабельного каната.

Четырехгранный стальной болт сорвался с направляющей с чудовищной скоростью, взрезая морозный туман звуковым ударом.

ХР-Р-РЯСЬ!

Болт ударил дозорного точно в центр груди.

Удар был такой силы, что мужчину не просто пробило насквозь — его вырвало с настила башни, протащило по воздуху добрых десять ярдов и намертво пригвоздило к наружной стене караульного барака. Стальное острие вошло в дубовый брус на добрый локоть.

Крик боли захлебнулся фонтаном черной крови, хлынувшей из разорванного горла.

Один.

И в ту же миллисекунду лагерь внизу взорвался.

— ТРЕВОГА! — взвизгнул внизу голос аколита Крогана.
— СКОРПИОН! К ОРУЖИЮ!

Хриплый, захлебывающийся лай кровавых гончих разорвал ночную тишину. Свора, почуяв свежую кровь распятого на стене часового, сорвалась с привязи.

Десять чудовищ из ободранного мяса ринулись к левой

башне, взбивая когтями грязь двора.

Следом из длинных барачков повалили разбойники.

Они выбегали в исподнем, на ходу натягивая кольчужные койфы, потрясая топорами, секирами и круглыми щитами. Не меньше трех десятков пьяных, злых, застигнутых врасплох головорезов.

Я посмотрел вниз.

Спрыгнуть во двор — значило угодить прямо в пасти семи мутантов, не знающих страха.

Но оставаться на башне было самоубийством: со двора уже засвистели стрелы из обычных охотничьих луков, глухо вонзаясь в бревенчатые щиты настила.

«Оценка ресурсов: ядро стабильно. Мана — восемьдесят процентов. Биомасса — в норме».

Я выдернул перекованный полуторный меч из ножен за спиной.

Метеоритная сталь вспыхнула лазурно-серебряным хамом.

— Идем за жатвой, — произнес я.

Я не стал спускаться по лестнице.

Я прыгнул.

Прямо с двадцатифутовой высоты настила — в самый центр двора, навстречу несущейся своре.

Падение должно было раздробить суставы смертного человека.

Но в момент соприкосновения с землей Живое Серебро

внутри моих связок сработало как упругая сетка, мгновенно распределив кинетический импульс по всему скелету. Грязь брызнула во все стороны на пять шагов.

Первая гончая — массивная сука с разорванной пастью, обнажающей двойной ряд желтых клыков — налетела на меня в тот же миг, когда я коснулся земли.

Она не лаяла. Она шла на горло с глухим бульканьем.

Я не стал уклоняться.

Моя левая рука, покрытая серебряной перчаткой, метнулась вперед, войдя прямо в распахнутую зловонную пасть твари.

Клыки гончей, способные крушить кости, сомкнулись на моем предплечье.

СКРЕЖЕТ.

Зубы монстра скользнули по зеркальному металлу, не оставив даже борозды.

В ту же секунду мои пальцы раскрылись внутри ее глотки, вонзаясь когтями прямо в мягкое нёбо и основание языка.

«Теневой импульс: Разрыв проводящих путей».

Волна ледяной энтропии ударила из моих пальцев прямо в мозговую ствол твари. Глаза гончей мгновенно остекленели, покрывшись тонкой коркой черного инея. Она сдохла, даже не успев сомкнуть челюсти повторно.

Используя ее стокилограммовую тушу как живой таран, я крутанулся на пятке и швырнул мертвого зверя навстречу двум другим нападающим.

Псы с визгом покатались по грязи, сбитые трупом сородича.

Но остальные гончие были уже здесь.

Они атаковали слаженно, как стая волков: пара на глаза, пара на сухожилия, остальные — на массу.

Одна вцепилась мне в левую икру, вторая рванула за бедро, третья ударила с фланга плечом — тяжело, как бревно из катапульты. Я удержал равновесие на долю секунды, но четвертая свалилась сверху, и вместе мы повалились в грязь.

Боль обожгла ногу — зубы твари пробили кожу на голени, заскрежетав по титановой надкостнице. Вторая гончая работала ниже: она вскрыла бедро до кости, и горячая кровь залила порт. Третья трепала предплечье, раздолбив серебряную перчатку в слабом шве у запястья — металл только формировался, монолит еще не сомкнулся.

«Повреждение мягких тканей: камбаловидная мышца рассечена.

Бедренная артерия: касательное повреждение, кровопотеря ускоряется.

Перчатка левой руки: деформация контура.

Активация вазоконстрикции».

Я лежал на дне карьера, придавленный к земле тремя машинами для убийства, с мечом, зажатым под чужим телом.

Мгновение — и они вскрыли бы мне горло.

Мозг вошел в режим холодной арифметики.

Правая рука отпустила эфес. Пальцы сомкнулись на ниж-

ней челюсти твари, разгрызавшей мое бедро, — и вывернули челюсть в сторону, ломая суставную сумку. Зверь взвыл и откатился, выпуская мясо из пасти. Меч выскользнул на свободу.

— Пошли вон, падаль! — прорычал я, перекатываясь через голову.

Клинок в моей правой руке описал свистящую дугу снизу вверх.

ВЖ-Ж-ЖИК.

Метеоритная сталь, сплавленная с Живым Серебром, рассекла двух верхних гончих единым слитным движением. Разрубленные пополам туши разлетелись в стороны, заливая меня горячей вонючей сукровицей.

Не опуская клинка, я вогнал острие вертикально вниз — точно сквозь череп той твари, что вцепилась мне в икру.

Лезвие пробило кость, мозг и вошло в гранитную плиту под ногами на три дюйма. Челюсти монстра судорожно разжались.

Последние три гончие уже развернулись для нового захода. Я выдернул меч и встретил их на полудвижении: первую принял на встречный укол — лезвие вошло в открытую пасть и вышло из затылка; вторую сломал коленом, впечатав хребет в гранит; третья успела вцепиться в порт — я добил ее ударом локтя вниз, в позвоночник, с силой кузнечного молота.

ХРУСТ.

Позвоночник лопнул, тварь забилась в грязи, волоча парализованный зад.

Вся схватка со сворой заняла не четыре секунды, как я рассчитывал, — полминуты.

Десять ободранных туш лежали в грязи двора. А я стоял среди них, тяжело дыша: из разорванного бедра пульсировала кровь, левая рука висела, как чужая — перчатка расплзлась лохмотьями серебра, и под ней чернело пробитое до кости предплечье.

Но эти полминуты стоили дорого, а вокруг меня полукругом уже смыкались три десятка вооруженных головорезов.

Во главе их стоял Кроган.

Маска из кожи вепря скривилась в жуткой ухмылке. Глаза аколита пылали багровым безумием. В руке он сжимал ритуальный обсидиановый серп, по лезвию которого струилась свежая кровь — он только что полоснул себя по предплечью, активируя боевой транс.

— А-а-а... — прошипел жрец, втягивая ноздрями запах моей пролитой крови. — Чужая плоть... Древняя плоть! В твоих жилах нет благодати Карна, незнакомец! Ты вор! Ты убил Бранна!

Бандиты вокруг него переглянулись.

Они видели горы разорванных псов, видели мертвого часового, распятого арбалетным болтом на стене, но численное преимущество и присутствие жреца пьянили их кровь.

— Зажмите его копьями! — взревел одноглазый десят-

ник в драной кольчуге. — Он ранен! Нога у него течет! Руби ублюдка!

Восемь копейщиков шагнули вперед, выставив длинные наконечники с зазубринами.

Они шли слаженно, намереваясь взять меня в железную коробку и прижать к бревенчатой стене.

Я выдернул меч из черепа мертвой гончей.

Мышцы на раненой голени пульсировали тупой болью, но я заблокировал рецепторы коротким ментальным приказом. Кровь перестала течь — сосуды спазмировались под действием Живого Серебра.

— Вы хотели жатвы? — тихо произнес я, перехватывая рукоять меча двумя руками. — Смотрите, как жнут пшеницу.

РЫВОК.

Я не стал пятиться.

Я пошел прямо на стену копий.

Первый копейщик нанес колющий удар в грудь.

Смещение корпуса на полдюйму вправо — острие с визгом скользнуло по моим ребрам, разрезав кожу, но не пробив костяного щита.

Второй бил не в грудь. Коротким, дешевым, правильным уколом — в бок, ниже пластин костного щита, туда, где кончался мой запас прочности. Зазубренный наконечник вошел между ребрами на палец, распоров плевру, и вышел обратно, сорвав клоч плоти.

Мир мигнул темнотой. Тело впервые узнало, что такое настоящая, несправедливая боль раненого зверя.

Мой меч взрезал воздух горизонтально.

ХРУС-С-ТЬ.

Три ясеневых древка были перерублены, словно сухие былинки. В то же мгновение лезвие прошло сквозь три горла нападавших. Головы в железных шлемах запрокинулись назад, фонтаны артериальной крови ударили в лица тем, кто шел во второй шеренге.

Четыре.

Одноглазый десятник попытался достать меня тяжелой секирой сверху.

Я не стал ставить блок.

Моя левая рука метнулась навстречу топорищу. Живое Серебро приняло удар обуха. Кости предплечья выдержали, но отдача отозвалась глухим звоном в плечевом суставе.

Я дернул топор на себя, увлекая десятника за собой, и вогнал острие меча ему прямо в открытый рот.

Сталь пробила затылок и вышла наружу.

Пять.

— Ткачи! Кровь к крови! — в ужасе взвизгнул Кроган за спинами бандитов.

Жрец взмахнул обсидиановым серпом, вычерчивая в воздухе символ Первого Круга.

«Багровая сеть: Удушение жил».

Капли моей крови, упавшие на мокрую траву из раненого

бедра, вдруг вспыхнули зловещим рубиновым светом.

Они не впитались в землю — они ожили.

Кровавые капли вытянулись в тончайшие алые жгуты, которые метнулись обратно ко мне, оббивая щиколотку и раненый бок, царапая пробитую плевру изнутри, ища путь в вены, чтобы разорвать сосуды изнутри чужой волей.

Нога и бок словно окунули в кипящую смолу. Мышцы свело судорогой. Из рассеченного бедра кровь пошла обратно — жгуты тянули ее наружу, в траву, высасывая в ритме жертвенного барабана. В глазах двоилось. Зеленый Камень Структуры на перстне впервые хрустнул: тонкая, волосяная трещина легла по изумрудной сердцевине, и артефакт всхлипнул падающей мощью.

— Ты попался, тварь! — торжествуя взвыл аколит, сжимая кулак. — Твоя собственная кровь удавит тебя!

Бандиты, увидев, что я замер, с диким ревом бросились вперед со всех сторон — топоры, мечи, дубины взметнулись в воздух.

Это был критический миг.

Секунда промедления — и меня просто разорвали бы на куски три десятка разъяренных головорезов.

Я закрыл глаза.

«Ты думаешь, что повелеваешь кровью, жрец? — прошептал я в ткань эфира. — Кровь — это вода и железо. А железо принадлежит Первородному».

Перстень Вездесущего вспыхнул ослепительным изу-

мрудным пламенем.

Живое Серебро внутри моих вен пришло в ярость.

Оно не стало бороться с багровыми жгутами Кругана. Оно просто выпило их.

Металл поглотил чужое руническое заклинание за сотую долю секунды, перемолол его в сырую ману и вернул в мои мышцы в виде взрывной кинетической волны.

Судорога исчезла. Кровотечение — нет: жгуты Кругана уже успели отнять свою пинту. Я чувствовал каждую каплю, покинувшую русло.

Я распахнул глаза. Они больше не были серыми — в них клубилась бездонная первородная Тень.

«Круговой распад».

Я крутанулся на раненой ноге, вложив в один взмах меча всю накопленную мощь поглощенного заклинания.

По лезвию побежала ослепительная серебряная дуга шириной в три сажени.

ВЖ-Ж-Ж-Ж-ОХ!

Звук был похож на удар гигантской косы по спелому полю.

Семь тел. Семь бандитов, уже занесших оружие для удара, были срезаны на уровне пояса. Их верхние половины взлетели в воздух, заливая гранитную крошку внутренностями и дымящейся жижей.

Оставшиеся полтора десятка затормозили.

Оружие со звоном посыпалось из их рук.

Они увидели не человека. Они увидели живую смерть, ко-

торая только что поглотила заклинание их жреца и одним движением превратила их десятников в кровавый фарш.

— Демон... — прохрипел один из них, падая на колени.
— Поща...

— В круг! Труссы, стоять! — визжал Кроган, пятась к воротам барака.

Его маска вепря сбилась набок, обнажая бледное, перекошенное от дикого страха лицо тридцатилетнего фанатика. Он снова занес серп над веной, готовясь принести в жертву собственное сердце...

Я не дал ему закончить.

Короткий импульс. Я метнул меч вперед, как копье.

Метеоритная сталь прошла воздух с басовым гулом. Лезвие вошло Крогану точно в правое плечо, насквозь пробив сустав и пригвоздив жреца к дубовой двери барака. Обсидиановый серп выпал из его бессильных пальцев, со звоном разбившись о камни.

Аколит взвыл, повиснув на клинке.

Оставшиеся двенадцать разбойников бросились на колени прямо в лужи крови своих товарищей. Они закрывали головы руками, ползали в грязи, скуля и моля о пощаде:

— Господин! Не убивай! Мы всё отдадим! Мы не по своей воле... Кроган заставлял! Жрецы детей забирали!

Я тяжело хромал к пришпиленному к двери жрецу.

Бок налился распирающим жаром, бедро текло, раненая голень ныла. Дыхание было частым, горячим. Каждая клетка

требовала топлива.

Я подошел к Крогану вплотную, взявшись рукой за рукоять меча, торчащего из его плеча.

Жрец хрипел, глядя на меня безумными, налитыми кровью глазами:

— Карн... разорвет тебя... Наш Бог... сойдет в этот мир... Ты сдохнешь...

— Твой Карн далеко, — холодно ответил я. — А ты — здесь.

Я повернул клинок в ране. Кроган захлебнулся собственным криком.

Моя свободная левая рука с Перстнем Вездесущего легла прямо на его горло.

— Разборка структуры, — скомандовал я.

Изумрудный свет затопил двор каменоломни.

Живое Серебро хлынуло во все стороны, оплетая сетью деконструкции не только аколита, но и все три десятка трупов вокруг.

«Тридцать девять оболочек. Стержень отсутствует у всех объектов. Запуск глобальной жатвы».

Воздух над Волчьими Ямами задрожал от низкого тектонического гула.

Тела людей и гончих начали таять, осыпаясь сверкающей пылью. Оружие, доспехи, кровь на камнях — все распадалось на молекулярном уровне, превращаясь в густой золотисто-зеленый туман.

Колоссальный поток первородного субстрата ударил в меня.

Ремонт пошел по списку выживания. Сначала пробитый бок — плевра сомкнулась с сухим щелчком, воздух перестал уходить под кожу. Затем бедренная артерия: волокна срослись, кожа покрылась грубым розовым рубцом. Разорванное предплечье перчатка стянула обновленным серебром — но тонким, второпях, как заплатка на вороньем крыле. Голень затянулась последней.

Каналы маны расширились, наполняясь чистой силой, — но половину потока тут же перехватила трещина на Камне Структуры, латая саму себя.

А оставшаяся масса — концентрированная мощь тридцати девяти жизней — опустилась в глубины Зеленого Камня Структуры.

Критический объем для ритуала у вулкана был собран.

Когда туман рассеялся, во дворе каменоломни не осталось ни одного мертвого тела. Лишь чистые, словно вымытые ливнем гранитные плиты да двенадцать дрожащих пленных на коленях.

Я подошел к воротам и выбил тяжелый засов ударом ноги. Створки распахнулись.

На серпантине дороги показались Торн и Мира, ведущие вороного жеребца.

Девушка бежала впереди, бросив поводья. Увидев меня — живого, стоящего посреди абсолютно чистого двора с ды-

мящимся мечом в руке — она замерла, прижав ладони к груди. Слезы снова брызнули из ее глаз, но теперь это были слезы облегчения.

Торн подошел следом. Он окинул взглядом пустой двор, двенадцать пленников на коленях и замершего меня.

Старый торговец зерном медленно снял шапку и низко склонил голову:

— Тридцать девять душ, Хозяин. Жатва собрана.

Я вытер клинок о край плаща и вложил его в ножны:

— Жатва только начинается, Торн. Привяжите пленных к хвосту повозки. Они понесут припасы.

Я посмотрел на север, где над горизонтом тяжело тлело багровое зарево Черного Пика.

— Пора на вулкан. Время ковать Первый Клинок Стаи.

Глава 5. Горнило Черного Пика

Подъем в предгорья начался глубокой ночью, когда небо над тайгой окончательно затянуло багрово-черной пеленой.

Колонна двигалась медленно, тяжело увязая в каменистой осыпи.

Я шел первым — и первый час подъема я шел, хромая. Штопаное серебром бедро тянуло, как чужое: заплатки на перчатке и голени осыпались минеральной пылью при каждом неверном шаге. Тело чинило себя на ходу, растаскивая свежую жатву по ранам, но контур восстановительных волокон держался, откровенно говоря, на упрямстве металла.

Впереди шел я. Темный шерстяной плащ развевался на ледяном ветру, обнажая бледную, сухую грудь. За мной Торн вел под уздцы вороного жеребца, в седле которого сидела Мира, кутаясь в суконное одеяло.

А позади, связанные одной длинной сыромятной веревкой за шеи, шагали двенадцать выживших разбойников из каменоломни.

Они больше не походили на свирепых лесных волков. Оборванные, перемазанные в грязи и копоты, они тащили на плечах тяжелые мешки с сухарями, копченой кониной, мотками пеньковых канатов и кованными кузнечными молотами, взятыми со склада. Они не пытались бежать. Они видели, как сорок их товарищей и аколит культа растаяли в зеленом пламени, превратившись в ничто. Они шли за мной с покорностью скота, ведомого на заклание, готовые целовать землю

у моих ног, лишь бы их плоть не растворили в воздухе.

— Не отставать, — не оборачиваясь, бросил я назад.

Голос хлестнул по колонне, словно бич. Пленные вздрогнули, ускоряя шаг и сопя под тяжестью тюков.

Чем выше мы поднимались, тем сильнее умирал лес.

Вековые дубы сменились кривыми, приземистыми лиственницами, чья хвоя давно осыпалась, обнажив серые, костяные сучья. Мох под ногами больше не пружинил — он крошился сухим, ломким порошком, пахнувшим серой и квасцами. Земля под сапогами теплела.

Сначала это было едва заметное дыхание глубинных пластов, но уже через три версты из трещин в черном базальте потянулись белесые, едкие струи пара. Воздух стал сухим, горьким, дерущим гортань привкусом жженого камня.

Мира тяжело закашлялась, прижимая к лицу рукав платья.

Я остановился, подошел к лошади и коснулся горла девушки кончиками пальцев. Капля Живого Серебра скользнула по ее коже, сформировав вокруг носоглотки тончайшую пленку маслянистого эфира — простейший мембранный фильтр, отсекающий сернистый газ.

Кашель прекратился. Девушка шумно выдохнула, ее серые глаза посмотрели на меня с немой благодарностью:

— Спасибо, Хозяин... Воздух здесь словно из кузнечного горна.

— Привыкай, Мира, — ответил я, окинув взглядом ее

холщовые сумки у луки седла. — Обычные лекари собирают ромашку на заливных лугах. Мой лекарь должен знать, как дышит преисподняя. Вон там, на скалах у серных источников, видишь красный нарост?

Девушка прищурилась, вглядываясь в темные базальтовые уступы, где из трещин сочилась кипящая вода:

— Похоже на застывшую пену...

— Это серный багряник. Лишайник, живущий за счет хе-мосинтеза в парах сероводорода. В его клетках нет хлорофилла, но есть фермент, растворяющий некротические ткани. Если смешать его споры с жиром — получится мазь, вытягивающая гангрену из кости за одну ночь. Запомни его структуру. На обратном пути соберешь три фунта.

— Я запомнила, — твердо кивнула она, и в ее пальцах мелькнул костяной скребок.

Девушка училась на лету. В ней не было капризной слабости городских мещанок — в ней жила цепкая, крестьянская хватка за жизнь, готовая впитывать любые знания ради выживания.

Торн подошел ко мне, тяжело опершись на рукоять трофейного топора. В багровом свете близкого жерла его лицо казалось отлитым из темной бронзы:

— Мы на гребне, Хозяин. Дальше лошадь не пойдет. Базальт слишком горячий, копыта сгорят до мяса.

Я поднял взгляд.

Мы стояли на краю Врат Пепла — гигантского пролома в

наружной стене вулкана.

Черный Пик возвышался над нами на добрых две тысячи футов. Это был циклопический базальтовый обелиск, пробивший земную кору во времена первых тектонических войн. Его вершина тонула в низких свинцовых тучах, подсвеченных снизу яростным, немигающим оранжевым заревом. Из недр горы доносился постоянный, низкий гул — звук, вибрирующий в костях, заставляющий сердце сбиваться с ритма.

Вулкан дышал.

— Пленных оставить здесь, в предпещерке, — приказал я Торну. — Связать им ноги, сложить припасы под навес. Если кто-то попытается дернуться к обрыву — ломай колени без разговоров.

— Сделаю, — коротко кивнул Торт.

Спустя десять минут двенадцать бандитов сидели в сухой базальтовой нише, привязанные к вбитым в камень железным костылям. Они жались друг к другу от страха, не сводя глаз с пылающего зева перевала.

— Мира, ты идешь с нами, — я повернулся к девушке. — Твои глаза нужны твоему отцу.

Она спрыгнула с коня, поправила сумку с травами на плече и молча встала за спиной Торна.

Мы шагнули в жерло.

Кальдера Черного Пика встретила нас ревом, от которого закладывало уши.

Это был колоссальный природный амфитеатр полумили в поперечнике. Стены из черного обсидиана поднимались отвесно вверх, уходя в дымное марево под куполом. А внизу...

Внизу колыхалось озеро жидкого камня.

Лава здесь не текла ленивыми ручьями. Она бурлила, вздувалась исполинскими пузырями величиной с деревенский дом, которые лопались с оглушительным грохотом, выбрасывая в воздух снопы белых и оранжевых искр. Воздух дрожал от чудовищной температуры — не меньше тысячи градусов над поверхностью расплава. Обычный человек вспыхнул бы здесь факелом за тридцать секунд, но Живое Серебро под моей кожей непрерывно рассеивало тепловую волну, превращая жар в свободную ману.

Мира держалась лишь благодаря моему эфирному барьеру, плотно обжавшему ее фигуру прохладным коконом.

Мы вышли на широкий каменный карниз — базальтовый мыс, нависавший прямо над центром кипящего озера на высоте четырех саженей. Под нами kloкотало оранжевое пекло.

— Сними одежду, Торн, — произнес я. Голос перекрыл рев магмы, усиленный резонаторами горы. — Железо пружек расплавится и вьестся в кость раньше, чем начнется трансформация. Оставь только набедренную повязку.

Торн молча стянул сапоги, сбросил куртку и холщовые порты.

Его тело, покрытое старыми шрамами, белыми рубцами от вчерашних переломов и мозолями от плуга, казалось

хрупким, бледным и беззащитным на фоне ревущего океана расплавленного камня. В правой руке он держал обломок своего старого железного фальшиона — зазубренный кусок низкосортной стали, с которым он защищал повозку на тракте.

Мира подошла к нему вплотную.

Она не плакала. Ее тонкие пальцы легли на широкую, волосатую грудь отца — прямо туда, где под розовым рубцом билось восстановленное мной сердце.

Девушка подняла на него взгляд. В ее серых глазах горел чистый, глубокий изумрудный свет — наследие Вездесущего, пробужденное в ее душе.

— Ты вернешься, батя? — прошептала она, и раскаленный воздух унес ее слова к сводам кальдеры. — Ты останешься моим отцом?

Торн опустил тяжелую, заскорузлую ладонь на ее голову, зарывшись пальцами в темные волосы:

— Человек, который продавал зерно и гнул спину перед сборщиками податей, сдохнет там, внизу, дочка. Ему давно пора было сдохнуть. Но тот, кто встанет из пепла... Он будет помнить каждый твой вздох с той самой ночи, как ты появилась на свет. Я иду в огонь, чтобы никто и никогда в этом мире больше не посмел назвать тебя рабыней.

Он мягко отстранил ее и шагнул к самому краю обрыва.

Базальт под его босыми ступнями уже дымился, подошвы обугливались, но мужчина даже не поморщился. Его челю-

сти были сжаты, желваки застыли камнем.

— Я готов, Хозяин. Жги.

Я встал позади него, раскинув руки в стороны.

Перстень Вездесущего на моем пальце взвыл на ультразвуковой частоте. Зеленый Камень Структуры вспыхнул ослепительным изумрудным пламенем, пробивая багровый мрак кальдеры столбом чистого, первородного света.

— Слушай меня, Торн, — мой голос обрел плотность горного обвала. — Лава сожжет твою слабость. Но она попытается растворить твоё сознание. Ты будешь гореть заживо. Каждая клетка твоего тела будет распадаться и пересобираться без остановки. Если ты отпустишь волю хоть на мгновение — ты превратишься в шлак на дне котла. Держись за образ дочери. Держись за клятву. Твой стержень — твой единственный якорь!

Я вскинул левую руку к небу, а правую вытянул над бурлящим озером.

— Вскрыть резервуар Жатвы!

Из перстня ударил ослепительный зеленый луч.

Эссенция пятидесяти четырех жизней — очищенная биомасса гремлинов, разбойников тракта, гарнизона Волчьих Ям и аколита Крөгана — хлынула из накопителя прямо в кипящий расплав.

Лава под базальтовым мысом изменила цвет.

Оранжевое пламя мгновенно окрасилось в фосфоресцирующий изумрудный оттенок. Вязкая масса расплавленного

камня закружилась колоссальным водоворотом, в центре которого образовалась воронка кипящего минерального супа.

В этот раствор я влил второй компонент — Реликтовый Код Древнего Волка.

Не дешевую ликантропию болотных упырей, превращающую людей в бешеных псов. Я извлек из глубин своей памяти чертеж Первородного Хищника эпохи творения — совершенного охотника, чья нервная система обладала идеальным балансом ледяного хладнокровия и взрывной мышечной мощи.

— Входи! — скомандовал я.

Торн не стал закрывать глаз.

Глядя прямо в ревущую зеленую бездну, старый торговец сделал широкий, уверенный шаг вперед и рухнул вниз.

ВСПЛЕСК.

Изумрудная лава сомкнулась над его головой.

Мира вскрикнула, упав на колени у края обрыва, но я удержал ее за плечо железной хваткой:

— Не смей отводить взор, Мира! Держи его ментальный контур! Посылай ему свое тепло! Ты его дыхание!

То, что началось в глубине лавового озера, не подчинялось законам смертной магии.

Это была вивисекция стихией.

Человеческая кожа Торна сгорела в первую же долю секунды. Но прежде чем пламя добралось до внутренних органов, Живое Серебро, хлынувшее из моего перстня, оплело

его скелет плотным металлическим коконом.

«Синтез титано-базальтовой матрицы.

Замещение гидроксипатита кости силикатами магмы.

Насыщение надкостницы углеродным монолитом».

Лава не сжигала его — она впекалась в него.

Расплавленный камень под действием моей воли соединялся с солями костей, превращая скелет мужчины в сверхплотный композит, способный выдерживать удар тарана.

Сухожилия утолщались вчетверо, переплетаясь с серебряными нитями ртути Вездесущего.

Мышечные волокна сгорали и тут же возрождались заново под напором гигантского объема поглощенной биомассы — толстые, черные, скрученные в тугие канаты, пылающие внутренним геотермальным жаром.

В лавовой воронке зародился звук.

Это не был стон боли. Это был утробный, раскатистый, первобытный рев существа, сдирающего с себя скорлупу человеческой немощи. В этом реве звенела ярость отца, десятилетиями копившего ненависть к тиранам.

Воронка лавы вздыбилась столбом высотой в десять саженей.

Внутри этого столба бушевало пламя. Обломок старого меча, который Торн сжимал в руке, расплавился, но железо не растворилось в камне. Жидкий металл смешался с метеоритной сталью Живого Серебра и начал втягиваться прямо в кости правого предплечья перерождающегося исполина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.